

Научная статья

УДК: 81' 811.512.156

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Эллада К. Анна́й

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, Кызыл, Россия, eannaj@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются метафорические экспрессивы² как единицы экспрессивного лексического фонда тувинского языка. Представляются наблюдения в сфере экспрессивной лексики, образованные семантической деривацией. Известно, что язык стремится к экономии средств, поэтому функцию экспрессивной номинации в тувинском языке часто выполняет метафора, а фольклор является одним из источников пополнения экспрессивной лексики.

Многие персонажи мифов, сказок и героических эпосов, мифические существа из шаманских песнопений (алгышей) часто выступают для характеристики человека. Они не имеют формальных признаков и лексических показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал интуитивно осознается носителями языка. Образ как часть коннотативного значения диктует положительную или отрицательную оценку. Метафорические переносные значения являются универсальными средствами выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи.

В статье приводятся примеры, демонстрирующие процесс появления у слова семантически производных значений, процесс расширения семантического объёма слова, делается разбор и сравнение значе-

²Термин метафорический экспрессив впервые в научный оборот ввела Н. А. Лукьянова в работе «Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка» [1986: 100].

ний.

Анализ показал, что некоторые основы лексем способны быть продуктивными, образуя новые слова и словосочетания в современном тувинском языке и активно употребляются в живой речи. Употребление приводимых экспрессивных слов не всегда зависит от пола мифического существа, от названия которого они произошли. Таким образом, фольклор является богатым источником экспрессивной лексики, который демонстрирует выразительность тувинского языка.

Ключевые слова: экспрессивная лексика, фольклор, миф, героический эпос, сказка, алгыш, метафоризация, семантическая деривация, образ, метафорические экспрессивы, тувинский язык.

Для цитирования: Аннай Э. К. Фольклор как источник пополнения экспрессивной лексики в тувинском языке // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 1(13). С. 27–42. DOI:-10.63124/2782-6139-2025-1-13-27-42

FOLKLORE AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF EXPRESSIVE VOCABULARY IN THE TUVAN LANGUAGE

Ellada K. Annai

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, eannaj@mail.ru

Abstract: This article explores metaphorical expressions as part of the expressive lexicon in Tuvan. It examines how semantic derivation contributes to the expressive vocabulary. Language naturally economizes, often relying on metaphor for expressive naming. Myths, fairy tales, heroic epics, and shamanic chants (algysh), are significant source of expressive vocabulary in Tuvan. Characters and mythical creatures from these sources are frequently used to describe people. While these expressions lack explicit markers of expressivity, native speakers intuitively recognize their expressive potential. The imagery embedded in these connotative meanings can convey positive or negative assessments. Metaphorical expressions serve as versatile tools for expressing emotional attitudes and social judgments.

The article provides examples illustrating how words acquire new meanings through semantic derivation, expand their semantic scope, and are analyzed and compared. The analysis reveals that certain lexical bases are productive, generating new words and phrases in contemporary Tuvan and being actively used in everyday speech. Interestingly, the gender of the

mythical creature from which these expressive words originate does not always determine their usage. Folklore thus emerges as a rich reservoir of expressive vocabulary, highlighting the expressiveness of the Tuvan language.

Keywords: expressive vocabulary, folklore, myth, heroic epic, fairy tale, *algysh*, metaphorization, semantic derivation, image, metaphorical expressions, Tuvan language.

For citation: Annai, E. K. (2025) "Folklore as a Source of Replenishment of Expressive Vocabulary in the Tuvan Language" // *Asian Studies: History and Modernity*, no. 1(13), p. 27–42. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-27-42

Введение

В языке отражается не только окружающий мир, но и сам человек. Экспрессивы являются яркими образными средствами, передающими языковую картину мира того или иного народа. Фольклор является одним из источников пополнения экспрессивной лексики в тувинском языке. Многие персонажи мифов, сказок и героических эпосов, мифические существа из шаманских песнопений (*алгышей*) часто выступают для характеристики человека. В языке это происходит посредством семантической деривации – это процесс появления у слова семантически производных значений, процесс расширения семантического объёма слова. В статье демонстрируются примеры семантической деривации – метафорические экспрессивы – как результат метафоризации.

Как считают исследователи, основой языковой метафорической универсальности являются, «во-первых, единые биологические и психологические характеристики людей, говорящих на разных языках; во-вторых, единство функции разных языков – быть средством вербальной коммуникации (через метафоризацию осуществляется вербализация даже несуществующих явлений); в-третьих, единство когнитивных механизмов людей, творящих метафоры; в-четвертых, единство самого механизма метафорообразования» [Лагута, 2003, с. 11]. Метафора всегда считается «самым продуктивным способом создания экспрессивности слов и выражений» [Телия, 1991, с. 12], поскольку с помощью него происходит ассоциативно-образное переосмысление значений.

Применительно к тюркским языкам данный вопрос рассматривался в работах Б. И. Татаринцева [1987], К. Непесова [1981], С. К. Сансызбаевой [2000], О. Ю. Кокошниковой [2004], Е. В. Тюнтешевой [2006] и мн. др. В тувинском языке метафоризация в многозначном

слове рассмотрена в работе Б. И. Татаринцева «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» [1987], который считает, что смысловые характеристики слов в плане синхронии и диахронии заметно различаются. Следовательно, появление переносного лексико-семантического варианта (ЛСВ) в слове в определенный промежуток времени может отличаться от предыдущего толкования, понимания. Целью статьи является описание метафорических экспрессивов в тувинской разговорной речи как результата метафоризации названий мифических образов тувинского фольклора. Материал для анализа извлечен из текстов тувинской художественной литературы, наблюдений за речью носителей тувинского языка и словарей тувинского языка. В исследовании применялись методы описания, компонентного анализа.

Метафорические экспрессивы в тувинской речи

В своем прямом значении наименования мифических существ используются в мифах, сказках, героических эпосах и шаманских песнопениях, а в качестве экспрессивных слов они употребляются преимущественно в разговорной речи.

Экспрессивное значение образовалось путем метафорического переноса наименования мифического существа на человека с целью выразить отношение говорящего к этому человеку, его действиям, дать им оценку. В семантике этих слов стоит определенный образ, который содержит зачастую отрицательную оценку.

Под метафорическими экспрессивами мы понимаем лексемы с экспрессивным значением, образованные семантической деривацией на основе метафорического переноса, служащие для передачи эмоций, чувств-отношений, оценок говорящих о лицах, предметах и явлениях. Они не имеют формальных признаков и лексических показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал интуитивно осознается носителями языка. Метафорические переносные значения являются универсальными средствами выражения социальных оценок и эмоционального отношения говорящего к предмету речи в тувинском языке. Рассмотрим схему метафоризации **мифическое существо** → **человек**, относящий к персонажам фольклора.

1. *Маңгыс* ‘мангуст, вампир, чудовище’ → ‘дармояд, туня-дец’ = N^{Qual}. В тувинско-русском словаре лексема *маңгыс* в прямом значении идёт с пометой *миф*. 1) ‘мангуст, вампир, чудовище’, во втором и третьем значениях отражаются переносные значения как: 2) об-

(1) [Ол үнүп келген улустуң аразында] хавааның ортузунда кара чаңгыс карактыг Дас-Маңгыс база үнүп келген болуп-тур (Б.Ш.А.Б., 158).

Дас-Маңгыс	база	үн=үп	кел=ген
бол=уп-тур			
Дас-Маңгыс	тоже	выходить=CV ₁	идти=PAST ₂
быть=PAST ₃			

Лексема маңгыс активно бытует в разных значениях в современном тувинском языке, о чём свидетельствуют ниже примеры. В переносном значении ‘паразит’ встречается в художественных произведениях, описывающих времена феодальной Тувы:

(2) [Адак сөөлүндө, бо-ла бай шинээлиг] ызыгууртан дүжүмет маңгыстар коргар, далдараар чүвө чок орлан-кайгал эрлерге аьдын мундурупкан... (С.С.А.д., 13).

ызыгуур=тан	дүжүмет=Ø	маңгыс=тар	корг=ар
далдара=ар			
родословный=ABL	правитель=NOM	паразит=PL	б о я т ь -
ся=PrP	скучать=PrP		

<i>чүве</i>	чок	орлан-кайгал	эр=лер=ге
вещь=NOM	нет	бойкий-удалой	мужчина=PL=DAT

$a\bar{b}d=y=n$ мун=дур=уп=кан

лошадь=POSS/3Sg=ACC

сестъ върхом=CAUS=CV₁=PAST/3SG

‘[В конце-то концов], паразиты дужуметы (правители) боятся людей из более богатых семей, поэтому они, сразу не ленись, дали своего коня молодцам.’

В разговорной речи употребляется в качестве оскорбительного слова по отношению к ленивому, прожорливому человеку (3), встречается в речи бабушек, когда хотят усмирить внуков (4):

(3) *Кылып билир чүвең бар эвес, маңгыс! (И-1)*

	кыл=ып	бил=ир	чүве=ң	б а р
эвес	маңгыс=Ø			
	делать=CV ₁	знать=PrP	вещь=POSS/2Sg	е с т ь
не	дармояд=NOM			

‘Да что ты умеешь, дармояд!’

(4) *Кара даг артында чаңгыс карактыг маңгыс бар чүве дээни кай (И-1).*

кара	даг	артында	чаңгыс	к а -
рак=тыг				
черный	гора	сзади	одна	глаз=POSSV
маңгыс=Ø		бар	чүве	дэ=эн=и
кай				
чудовище=NOM	есть	в е щ ь =	N O M	
сказать=PP=POSS/3Sg	PTCL			

‘Говорят, за черной горой живет одноглазое чудовище.’

2. *Албыс* ‘степная дева; ведьма’ → ‘плохой человек’= N^{Qual}. Лексема *албыс* в прямом значении в тувинско-русском словаре идёт с пометой *миф*. ‘албыс, степная дева; ведьма’ [TPC, 1968, с. 53], ее переносное номинативное значение в словаре не отмечается. Также в словаре приводятся производные слова от данной лексемы: *албыстыг* ‘1) одержимый, сумасшедший’; *албыстаар* ‘1) сходить с ума, 2) перен. неистовствовать, бесноваться’ [TPC, 1968, с. 53], что говорит о способности лексемы *албыс* быть продуктивной основой и находится в активном словарном запасе у тувинцев. Рассмотрим примеры:

(5) *Албыс, Шулбус хаанның аалынга баар эвес бис бе?* (из героич. эпоса)

албыс=Ø	Шулбус=Ø	хаан=ның
аал=ы=н=га		
ведьма=NOM	дьявол=NOM	хан=GEN
юрта=POSS/3Sg=DAT		
ба=ар	эвес	бис
		бе

идти=PrP не мы что ли

‘А пойдем мы к дому ведьмы и дьявола.’

(6) Албыстарның ажыг кара суунче, шулбустарның калчаа хоран
суксунунче кара бажың чүге суктуң? (МК-Л, Алг, 127)

албыс=тар=ның ажыг кара су=ун=че
ведьма=PL=GEN горький черный в о -

да=POSS/3Sg=LAT

шулбус=тар=ның калчаа хоран суксун=ун=че
дьявол=PL=GEN бешеный ядовитый н а п и -

ток=POSS/3Sg=LAT

кара баж=ың=Ø чүге

сук=ту=ң

черный голова=POSS/2Sg=ACC п о ч е м у

совать=PAST₁=POSS/2Sg

‘Почему сунул свою голову в омут степных дев и в дурное питье
дьяволов?’

В переносном значении в экспрессивной функции с отрицательной
оценкой встречается в разговорной речи применительно к женщине,
когда ей свойственны злые повадки, чаще в ссоре между женщинами.

(7) Анаа олур сен, албыс! (И-1)

анаа ол=ур сен албыс=Ø
нормально сидеть=PrP ты ведьма=NOM

‘Ты сиди тихо, ведьма!’

3. Шулбус ‘дьявол’ → ‘плохой, неуравновешенный человек’=
N^{Qual}. В прямом значении обычно встречается в сочетании со словом
албыс:

(8) Албыс-шулбус ораныга четкеш келдим, киргеиш келдим (МК-
Л, Алг, 120).

албыс-шулбус оран=ын=га чет=кеш
ведьма-дьявол= NOM мир=POSS/3Sg=DATидти=CV₃
кел=ди=м кир=геш к е л = -

ди=м

приходить=PAST₁=POSS/1Sg входить=CV₃

приходить=PAST₁=POSS/1Sg

‘Я заходил и был в стране ведьм и дьяволов.’

В переносном значении употребляется в разговорной речи, когда

поведение человека не соответствует норме:

(9) *Хей, шулбус, аскың тырт чүү деп оларың ол?* (И-2)

хей шулбус аск=ың тырт=Ø
 чүү=Ø
 INTJ дьявол=NOM рот=POSS/2Sg у д е р ж и -
 вать=IMP/2Sg вещь=NOM
 де=п ор=ар=ың ол
 сказать=CV₁ сидеть=PrP=POSS/2Sg PTCL
 ‘Эй, дьявол, следи за языком, что это ты говоришь?’

4. *Чылбыга* ‘чудовище, оборотень’, ‘ведьма, баба-яга’ → ‘ведьма’ = N^{Qual}. В тувинско-русском словаре лексема *чылбыга* в прямом значении идёт с пометой *фольк*. ‘чудовище; оборотень; *чылбыга кадай* ведьма, баба-яга [TPC, 1968, с. 555], переносное номинативное значение в словаре не отмечается.

(10) *Чылбыга көөрде, бизи-биле хап, көрбесте, арты-биле хап туруп-тур эвеспе* (А.М., 163).

чылбыга кө=өр=де биз=и-биле
 ха=п
 чылбыга смотреть=PrP=LOC л е з в и -
 е=POSS/3Sg-PTCL бить=CV₁
 көр=бес=те арт=ы-биле
 смотреть=NEG=LOC задняя часть=POSS/3Sg-PTCL
 ха=п тур=уп-тур эвеспе
 бить=CV₁ стоять=PAST₃ PTCL
 ‘Когда Чылбыга видела он бил задней стороной топора, когда не видела бил лезвием, оказывается.’

В разговорной речи встречается как персонаж из сказки, с помощью которого родители пугают детей, когда они ночью не засыпают:

(11) *Удувас болзуңза, даг артында чылбыга сени апаар, оон уруу кылып алыр* (И-1).

уду=вас бол=зу=нза даг=Ø
 артында
 спать= NEG/CV статья= POSS/2Sg=COND гора=NOM
 позади
 чылбыга=Ø сени апа=ар оон
 чудовище=NOM тебя забрать=PrP потом

уру=у
 дочь=POSS/3Sg
 брать=FUT/3Sg
 кыл=ып
 делать=CV₁
 ал=ыр

‘Если не заснешь, то чудовище за горой тебя заберет и сделает своей дочерью.’

В переносном значении употребляется при характеристике неопрятной, косматой, чумазой и страшной женщины:

(12) *Кижис хевинге дегбе, чылбыга!* (И-2)

кижис=Ø хев=ин=ге дег=бе
 чылбыга=Ø
 человек=NOM одежда=POSS/3Sg=DAT трогать=NEG
 ведьма=NOM

‘Не прикасайся к моей одежде, ведьма!’

5. Бук ‘злой дух, бес, дьявол, нечистая сила’ → ‘бешеный человек’ =N^{Qual}. В первоначальном значении – мифическое существо (13). В переносном значении употребляется в разговорной речи женщин или старших людей к непослушным детям или мужчинам своевольного и наглого поведения, когда хотят сделать замечание (14 – 16).

(13) *Аза, буктан камгалаңар* (МК-Л, Алг, 125).

аза=Ø бук=тан камгала=ңар
 черт=NOM бес=ABL защитить=IMP/2PL

‘Защищайте от чертей и бесов!’

(14) *Орта тур, бук, кижисе шорулба!* (И-2)

орта тур=Ø бук=Ø кижисе=же
 шорул=ба
 нормально стоять=IMP/2Sg бес=NOM человек=LAT
 цеплять=NEG

‘Ну-ка отстань и не цепляйся ко мне, бес!’

(15) *Бо кандаай удувас чытпас бук сен?* (И-1)

бо кандаай уду=вас чыт=пас
 бук=Ø сен
 как так спать=NEG/CV лежать=NEG/CV
 бес=NOM ты

‘Что ты за такой бес, что не ложится и не спится?’

(16) *Иштиң кижиргенмес бук сен бе?* (К.-Э. К. Ч. ч. I)

иш=тинц кижир=ген=мес
 бук сен бе
 живот=GEN бояться щекотки=PP= NEG/CV
 бес ты что ли
 ‘Разве ты не боишься щекотки, бес?’

6. Аза ‘злой дух, сатана, черт’ → ‘плохой/хороший человек’= N^{Qual}. Часто употребляется в сочетании *аза-бук* и *аза-четкер*, выражая собирательное, обобщающее значение ‘черти, бесы’ (17). В переносном значении употребляется в отрицательном контексте и выступает ближе к своему прямому значению, когда характеризуют человека, сравнивая его с мифическим существом (18 – 20):

(17) *Азаларым! Четкелерим! Арай-ла бээр, шала-ла бээр* (МК-Л, Алг, 121)

аза=лар=ым *четкер*=лер=им *арай-ла*
 черт=PL=POSS/1Sg з л о й д у х = P L = P O S S / 1 S g
 немножко-PTCL

бээр *шала-ла* *бээр*
сюда чуть-чуть *сюда*
 ‘Мои черти! Мои бесы! Прошу вас ко мне явиться и еще ближе приходите.’

(18) *Каяа тояап чордуң, черлик аза?* (И-2)

каяа *тояа*=п *чор*=ду=ң *черлик*
аза=Ø
 где бродить=CV₁ *идти*= PAST₁= POSS/2Sg дикий
 черт=NOM

‘Где ты шлялся, черт поганый?’

(19) *Алдын-оол дээр аза-биле чордуң бе, эшти?* (СМ, АБ, 60)

Алдын-оол дэ=эр *аза-биле* *чор*=ду=ң
Алдын-оол сказать=PrP ч е р т - N_{I n s t r}
 быть=PAST₁=POSS/2Sg

бе эшти
что ли негодница
 ‘С этим чёртом Алдын-оолом была, негодница?’

(20) *Мээң караамга көзүлбес, черликишээн кара аза бо ышкажыл сен!* (СС, АД, 61)

мээң *кара*=ам=га *көзүл*=бес
 черликишээн

мой глаз=POSS/1Sg=DATпоказывать=NEG о д и ч а -
 лый
 ара аза бо ышкажыл сен
 черный чёрт этот ведь ты
 ‘Ах вот ты где, одичавший чёрный чёрт, что не попался мне на
 глаза!’

В примере (20) адресата речи называют одичавшим чёрным чёртом из-за того, что, видимо, он был неуловимым, нельзя было его застать в нужное время. Он подобен чёрту, который скитается, где хочет и сколько хочет: чёрт, как существо подземного мира, не подчиняется людям.

Лексема может иметь положительное значение, когда характеризуют человека с хорошей стороны, имея в виду его везучесть и ловкость в каком-то деле (ср. мастер своего дела):

(21) *Солаңгы шыдыраа ойнап каап турда ана аза диин моң* (И-2).

Солаңгы=Ø шыдыраа=Ø ойна=п ка=ап

тур=да

Солаңгы=NOM шахмат=ACC и г р а т ь = C V₁
стать=CV₁ стоять=LOC

ана *аза* *диин* *моң*
 PTCL черт PTCL PTCL

‘Оказывается, Солангы ну просто чертовка в шахматах.’

7. *Диирең* ‘демон, бес, злой дух’ → ‘плохой/хороший человек’=N^{Qual}. Употребляется преимущественно как о реальном существе в нейтральном значении в сфере шаманизма, где большинство людей верит в неземные миры и неземных духов:

(22) *Сай черге дииреңнер чоруур чүве дээн деп хамнар аразында чугаалажыр болгай* (И-1).

сай чер=ге *диирең*=нер чору=ур
 чүве дэ=эн

камень=NOM земля=DAT демон=PL идти=PrP
 вещь сказать=PP

де=п хам=нар аразында чугаала=ж=ыр
 бол=гай

сказать=CV₁ шаман=PL среди говорить=REC=PrP
 быть=OPT

‘Шаманы между собой говорят, что в местах, где много камней,

водятся всякого рода духи.’

(23) *Канчап барган уйгу-чыдынның чидирген кижси сен, дииреңге алыскан боор сен (И-1).*

канча=*n* бар=ган уйгу-чыдын=ың
чидир=ген кижси=∅
что делать=CV₁ идти=PP сон-покой= POSS/2Sg п о т е -
рять=PP человек=NOM
сен диирең=ge ал=ыс=кан бо=ор
сен
ты демон=DAT брать=CAUS=PP быть=PrP
ты

‘Что это ты потерял свой сон и покой, может, в тебя вселился демон.’

В значении ‘плохой человек’ лексема диирең употребляется, когда обзывают или ругают человека, сравнивая его поведение с мифическим существом-дьяволом, который может превращаться и менять свое поведение:

(24) *Каям, аскың чыттап көрейн, диирең! (И-1)*

каям аск=ың чытта=п көр=ейн
диирең=∅
ну-ка рот=POSS/2Sg нюхать=CV₁
смотреть=OPT/1Sg демон= NOM

‘Нука дыхни на меня, демон (плохой человек)!’

(25) *Езулуг кижси эвес, ана диирең аа! – деп, адазы алгырды (И-2).*

езулуг кижси=∅ эвес ана диирең=∅
аа
настоящий человек=NOM не PTCL злой дух=NOM
INTJ
де=*n* ада=зы алгыр=ды
сказать=CV₁ отец=POSS/3Sg к р и -
чать=PAST₁/3Sg

‘Ну прямо не человек, злой дух (плохой человек)! – сказав, отец крикнул.’

(26) *Чер кулактыг диирең боор мен, даңны атсы чаалаштыңар аа, уруглар? (КК, УХ, 45)*

чер=∅ кулак=тыг диирең=∅ бо=ор м е н
даң=ны

земля=NOM ухо=POSSV бес= NOM статья= PrP я
 утро=DAT
 ат=сы чаала=ш=ты=нар а а
 уруг=лар
 наступать=REC воевать=REC=PAST₁=POSS/2PL I N T J
 девочка=PL
 ‘Я, ведь, такой слухач, вы аж до самого утра спорили, а, девчата?
 (шутливо, с упреком).’

Заключение

Таким образом, в результате метафорического переноса наименований мифических существ, персонажей фольклорных произведений на человека выражается образное, оценочное значение, проявляющееся в экспрессивных лексемах. Некоторые основы способны быть продуктивными, на базе которых образуются новые слова и словосочетания.

Особенность гендерного употребления приводимых экспрессивных слов не всегда зависит от пола мифического существа, от названия которого они произошли. Так, в мифах *чылбыга* является только женским персонажем и в качестве экспрессивного слова может характеризовать только женщину. А все остальные лексемы – *албыс*, *аза*, *бук*, *дишрең*, *четкер*, *шулбус*, *маңгыс* – употребляющиеся в своих прямых значениях по отношению к существам как мужского, так и женского пола, однако в качестве экспрессивных слов их использование закрепилось применительно к мужчинам.

Семантические дериваты от мифических существ в своем первоначальном значении очень часто употребляются в сочетании друг с другом (*аза-четкер*; *аза-бук*; *албыс-шулбус* и др.), но в качестве экспрессивных слов они встречаются только по отдельности. Рассмотренные лексемы встречаются в прямом значении в просторечии, преимущественно в речи женщин, а также в сценической речи и художественной литературе.

Список условных сокращений

ABL – исходный падеж; N^{Qual} – качественно-оценочное имя существительное; ACC – винительный падеж; CAUS – понудительный залог; COND – форма условного наклонения; CV₁ – формасоединительного деепричастия на =п; CV₃ – форма деепричастия прошедшего времени на =гаш; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; IMP –

повелительное наклонение; LOC – местный падеж; NOM – основной падеж; OPT – согласительное (желательное) наклонение; PAST₁ – форма прошедшего времени на =ды; PAST₂ – форма прошедшего времени на =ган; PAST₃ – форма прошедшего времени на =п-тыр; POSS – посессивный аффикс; POSSV – форма обладания; PTCL – частица; PP – форма причастия прошедшего времени на =ган; PrP – форма причастия будущего времени на =ар; REC – совместно-взаимный залог; RFL – возвратный залог; Sg – единственное число; миф. – мифология; фольк. – фольклор.

Источники:

- И-1 – Бегзи Ыкый Монгушевна, 1934 г.р. (с. Ак-Туруг)
И-2 – Доржу Светлана Самбуевна, 1943 г.р. (с. Суг-Аксы)
Б.Ш.А.Б. – Бора шокар аъттыг Боралдай (маадырлыг тоол) / Боралдай, имеющий коня Бора-Шокар. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1983. 308 с.
С.С.А.д. – Степан Сарыг-оол. Алдан дургун. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1987. 205 с.
МК-Л, Алг – Кенин-Лопсан «Алгыши тувинских шаманов». Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995. 528 с.
К.-Э. К. Ч. ч. I – Кызыл-Эник Кудажи. Чогаалдар чыындызы. I том. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1979. 421 с.
А.М. – Арзылаң мерген. Тувинские народные сказки. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. 188 с.

Литература:

1. Кокошникова 2004 – Кокошникова О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: И.Д. «Сова». 2004. 144 с.
2. Лагута 2003 – Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: в 2 ч. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 114 с.; Ч. 2. 208 с.
3. Лукьянова 1986 – Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка. Новосибирск: Наука, 1986. 229 с.
4. Непесов 1981 – Непесов К. Метафора в туркменском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1981. 25 с.
5. Сансызбаева 2000 – Сансызбаева С. К. Казахско-русский словарь зооморфных характеристик человека. Алма-Аты, 2000. 87 с.
6. Татаринцев 1987 – Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 197 с.
7. Телия 1991 – Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 5–35.

8. Тюттешева 2006 – Тюттешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. 225 с.
9. Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.

References:

1. Kokoshnikova O. Yu. Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri [The semantic structure of the polysemous verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk: I.D. «Sova». 2004. 144 p.
2. Laguta O. N. Metaforologiya: teoreticheskie aspekty: v 2 ch. [Metaphorology: theoretical aspects: in 2 parts]. Novosibirsk, 2003. Ch. 1. 114 s.; Ch. 2. 208 p.
3. Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya russkogo yazyka. [Expressive vocabulary of colloquial use of Russian]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 229 p. (in Russian)
4. Nepesov, K. Metafora v turkmenskoy yazyke [Metaphor in the Turkmen language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ashkhabad, 1981. 25 p.
5. Sansyzbaeva, S. K. Kazakhsko-russkiy slovar' zoomorfnykh kharakteristik cheloveka [Kazakh-Russian dictionary of zoomorphic human characteristics]. Alma-Aty, 2000. 87 p.
6. Tatarintsev, B. I. Smyslovye svyazi i otnosheniya slov v tuvinskom yazyke [Semantic connections and relations of words in the Tuvan language]. M.: Nauka, 1987. 197 p.
7. Teliya, V. N. Ekspressivnost' kak proyavlenie sub'ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientatsiya [Expressivity as a manifestation of a subjective factor in language and its pragmatic orientation] // Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti / otv. red. V. N. Teliya. M.: Nauka, 1991. Pp. 5–35.
8. Tyuntseva, E. V. Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri, kazakhskogo i kirgizskogo) [Man and his world in the mirror of phraseology (based on the material of the Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz)]. Novosibirsk, 2006. 225 p.
9. Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]/ pod red. E. R. Tenisheva. M.: Sov. entsiklopediya, 1968. 646 p.

Информация об авторе:

Аннай Эллада Кан-ооловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4,

e-mail: eannaj@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 698264, ORCID: 0000-0001-7892-0454

Information about autor:

Ellada K. Annai, Cand. of Sci. (Philology), Researcher at the Department of Linguistics, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail: eannaj@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7892-0454

© Аннай Э. К., 2025